

Смешанное чувство вызывает выражение «русский Харбин»! С ним неизбежно сопрягается мысль об утрате чего-то такого, что уже вернуть, увы, невозможно. Сегодня только с ностальгической тоской по былой славе можно сказать: «Русский Харбин». Город изменился до неузнаваемости, следы «русскости» здесь найти нелегко, их надо искать. В Харбине веет «русским духом» только изредка, в отдельных участках города. А нынешние «россияне», кто по туристической путевке, кто по учебе, кто по бизнесу, в большом количестве скопившиеся там, стараются быть похожими на китайцев. Они мало чем напоминают о поколении первой русской эмиграции в Китай.

Я работал и жил в Харбине. После упорных поисков нашел там свое «сакральное пространство» — улицу Гоголя.

Известно, что эта улица получила свое название в 1901 году — время, когда в городе появилось много русских. Судьба ее была драматичной — в 1958 году она была переименована в проспект Самоотверженной борьбы (Фэньдоулу). И только в 2003 году, на фоне вновь возобновившихся культурных отношений между Китаем и Россией, харбинскими властями было принято решение восстановить прежнее название — «Улица Гоголя».

Первое впечатление — на этой улице, длиной более чем в два с половиной километра, нет ничего примечательного. По ней тянется трамвайная дорога, ныне уже не действующая, по обе стороны улицы всевозможные местные достопримечательности: магазины, банки и проч. До тех пор, пока, где-то наполовину пройдя улицу, не повернешь голову и не увидишь фантастическую картину — бюст Гоголя, прямо у входа в гостиницу под названием «Гоголь». Иные утверждают, что бюст этот появился недавно. Я слышал другое: он был установлен силами русских эмигрантов. Если даже это не так, очень хочется, чтобы оно так и было.

Если по улице Гоголя идти вверх, то на той же стороне, где стоит бюст писателя, открывается вид набережной «Парк Россия». Вдоль небольшой реки, кажется искусственной, по обоим берегам сделаны прогулочные дорожки, расставлены памятники. Когда-то здесь было много грязи, стояла невыносимая вонь. Теперь вид умильный, хотя картина в целом лубочная, плохо стилизованная. Конец улицы упирается в большой по китайским меркам Торговый центр.

Ну а если же идти от бюста в обратную сторону, вниз, то с правой стороны откроется вид индийской или просто азиатской улицы, где расположен рынок всяких восточных пряностей, сувениров. А дальше — большая площадь, на которой находится Свято-Алексеевская церковь — бывший православный храм, построенный еще в 1912 году, а ныне занятый под костел Католической патриотической ассоциации. Пожалуй, и все.

Все начинается с бюста Гоголя и тут же заканчивается. По крайней мере, для человека с «русской душой», с русской культурной памятью. Смешанное чувство вызывает Гоголь, сиротливо стоящий посреди улицы, с грустью и тоской (мне всегда так казалось) созерцающий равнодушных к нему прохожих. Долгими часами стоял я рядом с ним, чтобы хоть как-то скрасить его одиночество (а может быть, свое собственное одиночество). Стоял и думал... о русских, когда-то поневоле оказавшихся в Харбине и для сглаживания собственной скорби, для памяти своей соорудивших памятник великому писателю. Почему именно Гоголю? Потому что он был тоже странником, вечным путешественником? Много лет своей жизни провел «на чужбине»?

Поставили ему памятник «на чужбине» и... один за другим уехали... умерли... Уехали, потому что нельзя было оставаться. Так сулил им беспощадный Рок. Бог знает что?

Оставили его одного! Предали забвению? Или таким образом приобщили его к всемирной вечности? Как знать? Что-то печальное, даже надгробное сквозит в такой вечности!

*В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!*

В конце лета 1931 года наступило десятилетие со времени смерти великого русского поэта Н. С. Гумилева. Годовщина смерти поэта не прошла мимо внимания и сочувствия «русского Китая». Так в Харбинской русскоязычной печати появились совсем маленькие статьи, посвященные Гумилеву. Этих публикаций было не очень много, зато они отразили важную черту — приверженность русских эмигрантов национальной, культурной, литературной памяти.

И тут не обошлось без парадоксов. Вниманию читателей предлагаются три статьи. Автор одной из них Б. Глебов, другой — Александр Яблоновский. А третья статья, появившаяся спустя десять лет, вообще без указания ее автора. Известно только, что Б. Глебов и А. Яблоновский были членами редколлегии газет «Заря», «Шанхайская Заря». Автор третьей публикации неизвестен. По крайней мере, пока бесплодны поиски более полной информации.

Незабытые, но полузабытые имена, жизни, биографии! Кто они? Как сложилась их судьба?

Может быть, публикация материалов поможет найти хоть какие-то реальные сведения об этих авторах.

Дабы покинувшие Гоголя не были покинуты нами!

Б. ГЛЕБОВ*. СЛАВА ГУМИЛЕВА**

Десять лет нет уже Гумилева, но все внятнее звучат торжественным и чудным строем медные колокола его стихов. Все мечты его жизни сбываются, когда уже нет ни жизни, ни мечты. Гумилев становится учителем, знаменем, певцом нового поколения, грезящего новым выстрадавшим, простым и суровым романтизмом.

Гумилев не был гением, но своей жизнью и стихами он отчеканил светлый образ спокойного мужества и преданной добру силы. Как бы ни менялись люди, всего им милее простой и чистый подвиг, который каждому тайно снится и на который каждый способен.

Сам Гумилев понимал, почему он будет нужен людям. Он говорил, что не оскорбляет их неврастением, не унижает душевной теплотой, но когда вокруг свищут пули, когда волны ломают борта, он учит их как не бояться, не бояться и делать, что надо. И вот несутся, как теплый ветер, стихи о войне, об охоте, путешествиях и открытиях, о быстрокрылых капитанах, об открывателях новых земель, о высоких палатках и о сладком воздухе неведомой страны.

* Подготовка и публикация: В. Мехтиев, З. Пасевич.

** Публикуется в авторской орфографии и пунктуации.

Ему чуждо всякое упадочничество и мудреные идеи, смешные рыцари в прелинах. Он любит только сильных, злых и веселых, убивавших слонов и людей, умиравших от жажды в пустыне, замерзавших на кромке вечного льда, верных нашей планете, сильной, веселой и злой. В этом героизме нет ни отчаяния, ни бунта. Он знает: человеку грешно гордиться, человека ничтожна сила. Созидающий башню сорвется, разрушающий будет раздавлен. Гумилев не поет о титанах. Ему мила эта грешная земля и простые люди, странствующие по ней. Он не может наглядеться, как араб в пустыне припадает к воде и поет.

Эта милая земля для него — приют Божий, и светлел праведностью подвиг мореплавателей и стрелков. Грубая сила его никогда не увлекала. Недаром он — поэт и знает великую силу слова. Он помнит, как солнце останавливали словом, словом разрушали города. Большой и смелый мастер, он знает, как разнообразно применение словесной стали, которая может быть нежнее, чем ветер в розовой аллее и страшнее расплавленного свинца.

Печальна участь поэтов российских. Свою судьбу Гумилев знал. Не напрасно пророчил себе смерть в болотине проклятой или в какой-нибудь страшной щели. Большевиков он открыто и брезгливо презирал. Поднял большие спокойные глаза, гневно крикнул навстречу ружьям, когда утро расстрела настало. О чем думал он? Об утре, унесшем Пушкина? Или Лермонтова? Или о мгле, готовой поглотить Блока, Есенина, Маяковского? Или о том ослепительном желанном дне, когда взойдут, ясны, стены нового Иерусалима на полях его родной страны?

России предстоит еще много и много жить. Новые придут в жизнь поколения, которые вникнут в сокровища былых мечтаний и песен. Среди других воителей и певцов выделяют они Гумилева, верного ратника земли отечества и вечной правды.

Печатается по: ЗАРЯ. 1931. 19 СЕНТЯБРЯ. № 257.

АЛЕКСАНДР ЯБЛОНОВСКИЙ. ВСЕ ПРОХОДИТ

Годовщина Гумилева еще раз напомнила старую истину, — что «настоящая» революция не может не убивать ярких, слишком ярких людей.

В каждой «великой» революции непременно преобладает злой дурак, который действует во имя «равенства»:

— Равенства и равенства в убожестве мысли, равенства в злодействе и в ничтожестве...

— Почему он умнее меня? Почему поэт Божьей милостью считается выше комиссара милостью пролетариата?

— Не знаю, читали ли вы протоколы допросов, снятых с Андрея Шенье*, но это, может быть, самые яркие страницы «великой» революции.

«Злой дурак» допрашивал и сам не знал, что он хотел. Дурак — махровый, тупорылый, от головы до пят — дурак.

Если бы Андрея Шенье допрашивала лошадь, самая обыкновенная лошадь, а не люди революции, то, может быть, протоколы были бы умнее.

Допрашивала революция и нашего поэта Н. С. Гумилева.

И русский «злой дурак» оказался не выше французского.

Это один тип, выработанный на всю вселенную, одного поля ягода, одного штампа.

Но и в том и в другом случае, впечатление от дурака и его допроса было одно и то же. Такое впечатление, что людям становилось противно жить на свете, что самая жизнь, великий дар Творца, казалась ошейником с шеи раба, высеченного плетью.

* Шенье Андре Мари де (1762–1794) — французский поэт. Шенье был арестован седьмого марта 1794 года и гильотинирован якобинцами двадцать пятого июля этого же года.

Вот, как почувствовала эту оскорбительность жизни поэтесса М. Цветаева:

*Андрей Шенье взошел на эшафот,
А я живу, и это — смертный грех.
Есть времена — железные для всех,
И не певец, кто в порохе поет.
И не отец, кто с сына у ворот,
Дрожая, срывает воинский доспех...
Есть времена, где солнце смертный грех.*

Эти «железные времена», однако, проходят. «Все приходит к концу, как угодно Творцу», и «злой дурак», сказавши свое глупое слово в истории, исчезает потом бесследно, как исчезают в природе мертвые звери.

— Кто видел мертвого волка или мертвую гиену?

Но зато, как только «злой дурак» сгинет, взрыв раскаяния сотрясет душу человечества и люди начнут воздвигать памятники убиенным и замученным.

— Ах, сколько памятников будет в свое время на улицах и площадях русских городов...

Я не обольщаюсь, я знаю, что слава в прихотях вольна и, может быть, найдутся потомки, которые где-то воздвигнут монументы и «злому дураку» и «Дураку», который ушел из жизни, так и не успевши «приговорить мечту к расстрелу».

Но я думаю, что в России будут преобладать памятники убиенным и замученным. Никакие потомки не вырвут из своего сердца этой скорбной памяти, потому что имя убиенным легион.

Будет памятник и Гумилеву. Это был тот, что в «железные времена» всеобщего растления не забыл о человеческом достоинстве и умер смелым и гордым человеком...

Какая это радость в «железные времена» — гордый человек.

Печатается по: Заря. 1931. 21 сентября. № 259.

ДВА БЕЗВРЕМЕННО ПОГИБШИХ ПОЭТА

Блок и Гумилев (К 20-летию со дня смерти)

Двадцать лет назад Россия потеряла на протяжении одного месяца двух больших поэтов — А. А. Блока и Н. С. Гумилева.

Эти два имени у нас, в эмиграции, связываются вместе, хотя сближение это чисто случайное, — слишком различны они и как люди, и как поэты.

А. А. Блок (он был сын профессора государственного права Варшавского университета) умер восьмого августа 1921 года. Революционная катастрофа, которую он предвидел и запечатлел в своих, полных трагических предчувствий, стихах, надломила его, и не столько физически, сколько духовно. В те сумбурные невероятные дни, когда великолепная русская столица умирала в буквальном и переносном смысле, в огромном миллионном городе разыгрывались тысячи человеческих драм, одной из которых была драма Блока. Хроническое недоедание было лишь внешним, видимым проявлением этой драмы. Гораздо трагичней был внутренний надлом, происшедший в душе Блока, это ощущение обреченности, из которой нет выхода, чувство духовного плена и безнадежное сознание утери навек неоцененной в свое время духовной свободы. Блок медленно, но верно умирал, и уже никакая сила не могла остановить этого ухода в небытие.

Еще трагичней была судьба Гумилева. Этот романтик в жизни и в поэзии с неистребимой жадностью подвига, ушедший на фронт добровольцем и получивший за храбрость Георгиевский крест, патриот и монархист, не мог не быть страстным противником

большевиков. Он был арестован по делу группы проф. *Таганцева**, судим за участие в антисоветском заговоре и расстрелян в ночь на первое сентября 1921 года. Смерть Гумилев встретил с редким мужеством.

Эти поэты для нас еще живы — в живой памяти тех, кто знал их лично, кто с ними общался и дружил. Их имена еще не потеряли своей житейской конкретности, еще не обволоклись дымкой легенд, не успели оторваться от нашей земли. Может быть, поэтому до сих пор не написано серьезных исследований, посвященных творчеству этих бесспорно крупнейших русских поэтов первой четверти XX века...

Теперь несколько слов о самом творчестве их. В свое время Г. Иванов правильно сказал, что «каждый русский поэт связан воспоминаниями о Пушкине или о Лермонтове». Приглушенная, как будто бы идущая издалека, «русалочья» поэзия Блока в своей традиции уходит к женственной поэзии Лермонтова. Но Лермонтов к концу своей — увы, слишком короткой жизни нашел смысл бытия в примирении с Богом, в подчинении Ему. У Блока нет этого благостного начала. Блок трогает глубоко скрытые стороны нашей души, страстно волнуется, заставляет тяжело переживать, но он не радуется, не просветляет, и все кончается у него бессмысленным последним покоем... И даже внешняя пленительность его стихов не дает отдыха душе, не позволяет отдаться их словесной музыке... Трагический поэт — и в жизни, и в поэзии.

Иной в своей поэзии Гумилев. Нетерпеливый искатель впечатлений, ярких и красочных, он жизнь превращал в сказку, в цепь маловероятных приключений. Он едет в Африку, где охотится на львов и сражается с дикими племенами; он, наконец, добровольцем идет на войну. И в поэзии Гумилев стремится к преодолению будничности, к преображению жизни, к созданию своего мира, так непохожего на тот, который нас окружает. С помощью поэзии он хочет воплотить и осуществить свои героические видения, в одно время величавые и прекрасные.

Таким образом, Гумилев — романтик, но поэзия его закована в форму классического мастерства. Его стихи можно узнать и без подписи, настолько они замечательны по стройности конструкции, по красоте образов, гибкости и словесному богатству. Это формальное совершенство и еще вера в силу поэзии сделали Гумилева главой литературной школы и учителем.

Гумилев не только лирик, он и драматург, и эпик, и автор сильных новелл и статей о поэзии.

Нас, русских эмигрантов, покоряет еще в Гумилеве его огненная преданность России, его солнечная любовь ко всему родному, его мужественные звучания, когда он говорит о Родине, о своем сыновнем долге перед ней.

*Словно молоты громовые,
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Бьется мерно в груди моей...*

— говорит он в своем известном стихотворении «Наступление».

Не только начинающим русским поэтам, но и просто молодежи нужно читать Гумилева, читать о сильных мужественных характерах, о красивых дерзаниях, о завоеваниях счастья, о жизни, пусть выдуманной, но так непохожей на скучные будни.

Печатается по: Русский настольный календарь. 1941. С. 8–9.

* *Таганцев Владимир Николаевич (1889–1921) — российский географ, профессор. Был расстрелян по обвинению в заговоре против советского режима. Впоследствии реабилитирован, так как дело по заговору было признано сфабрикованным.*